

В. Н. Земцов
Русский посол
в Париже
князь
А. Б. Куракин:
хроника
роковых лет

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)5
З-55

*Издание подготовлено при поддержке
Российского научного фонда (РНФ),
проект № 18-18-00053
«Политика памяти vs историческая память:
Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»*

Рецензенты:
Доктор исторических наук В. М. Безотосный
Доктор исторических наук А. В. Чудинов

Идея проекта «Эпоха 1812» А. К. Сорокина

Земцов В. Н.

З-55   Русский посол в Париже князь А. Б. Куракин: хроника роковых лет / В. Н. Земцов. – М. : Политическая энциклопедия, 2019. – 208 с. – (Эпоха 1812 года).

ISBN 978-5-8243-2336-8

Книга посвящена проблеме происхождения войны между Россией и Францией в 1812 году. В центре внимания – фигура «бриллиантового князя», посла России во Франции А. Б. Куракина, предпринимавшего героические усилия с целью раскрытия планов противника. На основе обширного комплекса документов, включающих переписку А. Б. Куракина с Санкт-Петербургом, разнообразных материалов, отложившихся во французских и австрийских архивах, автор пытается воссоздать полную драматизма дипломатическую борьбу двух империй в 1807–1812 гг.

Книга адресована специалистам и всем, кто интересуется всеобщей и отечественной историей.

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)5

ISBN 978-5-8243-2336-8

© Земцов В. Н., 2019
© Политическая энциклопедия, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Тревожное время Тильзита: 1807–1811 гг.	
§ 1. Дорога в Париж (май 1807 – октябрь 1808 г.)	10
§ 2. Надежды и разочарования (ноябрь 1808 – 1810 г.)	18
§ 3. Канун больших испытаний (1 января – 14 августа 1811 г.)	31
§ 4. Необъявленная война (15 августа – конец 1811 г.)	50
Глава II. Год борьбы: 1812	
§ 1. Надвигающаяся буря (1 января – 25 февраля 1812 г.)	73
§ 2. «Дело Мишеля» (25 февраля – 23 апреля 1812 г.)	103
§ 3. «Русский ультиматум» (24 апреля – 28 мая 1812 г.)	140
§ 4. Война. Отъезд на родину (29 мая – 20 октября 1812 г.)	173
Заключение	196
Указатель имен	203

Научное издание
Эпоха 1812 года

Земцов Владимир Николаевич

Русский посол в Париже князь А. Б. Куракин: хроника роковых лет

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*
Редактор *В. Т. Веденеева*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*
Корректор *Т. Г. Суворова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 30.05.2019.
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 13.
Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс), 8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

Глава I ТРЕВОЖНОЕ ВРЕМЯ ТИЛЬЗИТА: 1807–1811 гг.

§ 1. Дорога в Париж (май 1807 – октябрь 1808 г.)

Выехав 20 мая 1807 г. из Петербурга и направляясь в Вену, князь А.Б. Куракин 26 мая был в Риге. После Риги он ненадолго остановился в Митаве, где отобедал, сокрушаясь не просто скромной, но граничащей, по понятиям князя, с нищетой сервировкой стола, у графа де Лилля, будущего короля Людовика XVIII. Затем проехал Мемель и наконец «третьего дня рано утром», то есть 20 мая (1 июня) прибыл в Тильзит.

В течение всей зимы 55-летний князь сильно страдал от подагры. Во время дороги, хотя общее самочувствие и было сносным, сильно распухли ноги. Однако надолго где-либо останавливаться Куракин не мог и не хотел – князь торопился не просто в Вену занять место посла, он должен был встретиться со своим государем – императором Александром I, главная квартира которого в канун Фридландского сражения располагалась в Тильзите¹.

Сразу в день приезда в Тильзит Куракин был принят государем, который пребывал в хорошем расположении духа, хотя известия о ходе военных действий, которые вела русская армия, сдерживая натиск наполеоновских войск, вряд ли могли этому способствовать. Общее настроение, царившее в окружении государя, склонялось в пользу скорейшего завершения войны.

1 (12) июня Александр I, а затем и весь двор, покинули Тильзит, к которому быстро приближались военные действия. 3 (15) июня, когда Куракин дописывал письмо к вдовствующей императрице Марии Федоровне с сообщением об отъезде государя, он получил известие о катастрофе под Фридландом². Теперь и он спешно покидает Тильзит, отправляется в Юрбург, затем в Тауроген и наконец оста-

---

¹ Куракин – Марии Федоровне. 22 мая (3 июня) 1807 г. // Русский архив (далее – РА). 1868. Вып. 1. Ст. 47.

² Куракин – Марии Федоровне. Тильзит, 3 (15) июня 1807 г. // Там же. Ст. 79–86.

навливается в местечке Шавли, куда уже прибыл Александр I, а затем и его двор. Пытаясь быстрее попасть в относительно безопасное Шавли и двигаясь по плохой дороге, которая, по словам князя, была «просто отвратительным проселком», Куракин пересел из кареты в легкую бричку своего курьера. Бричка перевернулась, воздев все четыре колеса к небу, а князь получил сильнейший удар по голове. Проезжая через Юрбург и далее, Куракин встречал множество русских раненых, которые не могли получить ни малейшей медицинской помощи, видел совершенное расстройство тылов и отсутствие хоть какой-то готовности продолжать сражаться. Обстоятельства, по его мнению, были столь неблагоприятны, что уже не давали возможности при заключении перемирия «требовать того, чего требовали прежде»¹.

Здесь, в Шавлях, неожиданно как для русского командования, так и для государя, было получено сообщение от командования французской армии о перемирии и переговорах. «Условия перемирия таковы, – отписал Куракин, – лучше каких мы не могли бы и желать»².

14 (26) июня Куракин получил от Александра I, который к тому времени уже вернулся в Тильзит для ведения переговоров, немедленно прибыть к нему. Сев в ту самую злополучную бричку, в которой он недавно перевернулся, чуть не получив при этом пробоину в черепе, Куракин в течение двух дней и ночей без сна и без пищи мчался на зов государя. Совершенно расстроив здоровье и особенно страдая болезнью ног, 16 (28) июня он прибыл в Тильзит³. Государь немедленно принял Куракина и поручил ему вместе с генерал-лейтенантом князем Дмитрием Ивановичем Лобановым-Ростовским, приходившимся Александру Борисовичу двоюродным братом, «составить мирный трактат с Францией». «Государь сообщил еще, – отмечал в письме к Марии Федоровне князь, – что Наполеон при первом же свидании осведомлялся с большим участием обо мне. Я тот час же вечером был ему представлен государем. Наполеон принял меня самым отменным образом, сказав мне в присутствии государя и обеих свит, что он вспоминает с удовольствием и признательностью о той поре, когда я стоял во главе дел как вице-канцлер и о моих стараниях укрепить добрые отношения, установившиеся между Россией

---

¹ Куракин – Марии Федоровне. Шавли, 8 (20) июня 1807 г. // Там же. Вып. 2. Ст. 172–174.

² Куракин – Марии Федоровне. Шавли, 10 (22) июня 1807 г. // Там же. Ст. 188.

³ Куракин – Марии Федоровне. Тильзит, 18 (30) июня 1807 г. // Там же. Ст. 202.

и Францией¹. Талейран², Бертье³ и великий герцог Бергский⁴ приняли меня с такими же [воспоминаниями и выражениями]. Дюрок⁵ и Коленкур⁶ благодарили меня за прием, мною сделанный им в Петербурге. Все, начиная с Наполеона, неистощимы в похвалах государю и громко выражают великое удовольствие, что недоразумения, разъединившие наши государства, прекратились...»⁷ и далее: «Не могу умолчать пред вашим величеством, что Талейран и его государь успели уже сказать мне, как они желают, чтоб государь послал в Париж меня, а не другого кого; я им отвечал всякий раз весьма неопределенно, потому что я вовсе того не желаю». О последнем князь не преминул уведомить и своего государя, сказав при этом, что ничего не желает более, «как только приказаний ехать в Вену». В письме к Марии Федоровне он объяснял это, во-первых, неоднократно ею высказанным нежеланием, чтобы он «ехал в Париж»; во-вторых, опасением перед неприязненным отношением к такого рода шагу со стороны той петербургской партии, которая, подобно самой вдовствующей императрице, была непримиримо настроена к Бонапарту; в-третьих, из-за финансовых издержек, которые он, Куракин, уже понес, готовясь к пребыванию в Вене⁸.

Сразу после отправки письма к Марии Федоровне от 18 (30) июня Куракин сильно заболел. Сказалось напряжение последних дней и простуда. Желудок отказывался принимать пищу. Мучили тошнота и рвота, низ живота сильно болел. К этому добавились головные боли, жар и не покидавшее ощущение общего беспокойства. Наконец на следующий день, 19 июня (1 июля), Александра Борисовича стало сильно лихорадить. Два дня он был вынужден провести в постели, но

---

¹ А.Б. Куракин занимал пост вице-канцлера в 1796–1798 и 1801–1808 гг., управлял Коллегией иностранных дел в 1801–1802 гг.

² Талейран-Перигор Ш.М., де, герцог Отранский, принц Беневентский (1754–1838) был с 1799 по 9 августа 1807 г. министром иностранных дел Франции.

³ Бертье Л.А. (1753–1815), маршал империи, начальник Главного штаба французской армии.

⁴ Мюрат И. (1767–1815), герцог Бергский и Клевский, маршал империи, с 1808 г. король Неаполитанский.

⁵ Дюрок Ж.Л.М. (1772–1813), дивизионный генерал, обер-гофмаршал, с 1808 г. герцог Фриульский.

⁶ Коленкур А.О.Л. (1773–1827), дивизионный генерал, обер-шталмейстер, с 1808 г. герцог Виченский. В 1808–1811 гг. посол в Санкт-Петербурге.

⁷ Куракин – Марии Федоровне. Тильзит, 18 (30) июня 1807 г. // РА. 1868. Вып. 2. Ст. 202.

⁸ Там же. Ст. 205–206.

успевал между острыми приступами боли, преодолевая болезнь, работать над текстом мирного трактата с Францией¹. 25 июня (7 июля) договор о мире, дружбе и союзе между Россией и Францией был подписан². Со стороны России свои подписи поставили А.Б. Куракин и Д.И. Лобанов-Ростовский, со стороны Франции – Ш.М. Талейран. «Вчерашний день, когда я подписал наш мирный трактат с Францией, что мне так лестно и приятно, – составляет эпоху в моей жизни...» – отписал все той же Марии Федоровне Куракин³.

28 июня (10 июля) Куракин по поручению государя преподнес Наполеону пять знаков ордена Св. Андрея Первозванного. В свою очередь, Дюрок передал Александру I пять знаков ордена Почетного легиона, один из которых предназначался для князя Андрея Борисовича.

На следующий день Куракин продолжил – через Гумбинен, Белосток и Брест – свой путь в Вену. Уже отъезжая, князь снова почувствовал себя плохо – начался жар, головные боли и боль внизу живота. На пятый день пути, когда показалось, что стало полегче, вновь дала о себе знать подагра: возобновились боли в колене и в ступне левой ноги. Князь не мог даже сидеть и принужден был лежать в карете...

Так в Тильзите начался не скорый, через посольство в Вене, путь князя Куракина в Париж на пост полномочного посла России во Франции. Этот путь совпал с движением обеих держав от союза, оформленного на берегах Немана, через Эрфурт, к роковому 1812 году.

Почему тогда, летом 1807 г., выбор Александра I при поиске лица, который бы подготовил текст договора с Францией, пал на князя Куракина? Ведь в Главной квартире находился министр иностранных дел К.В. Будберг? А. Вандаль, в свое время виртуозно описавший те движения ума и души Александра, которые отмечали его в дни Тильзита, полагал, что «Куракин был старым царедворцем, вполне послушным, но не обладавшим ни инициативой, ни

---

¹ Куракин – Марии Федоровне. Тильзит, 20 июня (2 июля) 1807 г. // Там же. Ст. 212–213. Наполеон, узнав о болезни Куракина, прислал к нему главного медика Буайе.

² См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. М., 1830. Т. 29. № 22584; Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел (далее – ВПР). М., 1963. Т. 3. С. 631–650.

³ Куракин – Марии Федоровне. Тильзит, 28 июня (10 июля) 1807 г. // РА. 1868. Вып. 2. Ст. 222.

энергией»¹, и к тому же в свое время предлагавшим варианты сближения с Францией. Что же касается самого Александра, то, как полагает Вандаль, в те дни он был очарован величием Наполеона, приложившим немалые усилия в своем стремлении обаять молодого русского императора. Полагаем, что это справедливо лишь отчасти. Более убедителен вел. кн. Николай Михайлович: «Нельзя приписывать поведение Александра в Тильзите его неопытности и молодости – это была бы ошибка. Напротив того, наш государь выказал невероятный такт, удивительное умение себя держать, чарующую способность понравиться Наполеону и вполне верную оценку тогдашним обстоятельствам»². Справедливости ради нужно отметить, что и у Вандалья возникали сомнения насчет собственной оценки Александра Павловича в дни Тильзита: «При его восторженности, его идеальных и неустойчивых стремлениях ему была свойственна тонкая хитрость, даже – по выражению одного близкого ему человека (А. Коленкура. – В. З.), верно судившего о нем – “в высокой степени рассчитанное притворство”...»³ «В 1807 г. Александр не думал еще о 1812 годе, но были минуты, когда он предвидел его», – пишет Вандаль⁴.

Что же касается личности А.Б. Куракина, то и в этом случае наиболее убедительным оказалось мнение вел. кн. Николая Михайловича, который писал, что «...современники относились критически к дипломатическим способностям князя Куракина, а последующие историки считали его деятельность бесплодной и отнеслись с недоверием к его дарованиям. Едва ли эта оценка вполне справедлива. Она скорее пристрастна»⁵. Насколько справедливо мнение вел. кн. Николая Михайловича, подтвердили последовавшие после Тильзита, но особенно после Эрфурта, события. Тогда же, в ходе тильзитских переговоров, Александр предпочел отправить в Париж в качестве посла не Куракина, а генерал-лейтенанта графа Петра Александровича Толстого, человека прямолинейного, менее Куракина искушенного в европейской политике и в европейском политесе, но хорошего исполнителя. Год спустя, когда степень взаимного недоверия между Наполеоном и Александром заметно усилит-

---

¹ Vandal A. Napoléon et Alexandre I. P., 1891. Т. 1. Р. 81.

² Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. XXXIV. Суждение вел. кн. Николая Михайловича в дальнейшем подтвердил В.Г. Сироткин (см.: Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966).

³ Vandal A. Op. cit. Т. 1. Р. 64.

⁴ Ibid. Р. 66.

⁵ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. XXIX.

ся, русским государем в действие будет введена фигура Куракина, который своим искусством более, чем Толстой, смог бы обеспечить видимость сохранения союза и прикрыть реальные действия Петербурга, уже принявшего решение о постепенной, но систематической подготовке к возможному столкновению с Францией.

Посольство П.А. Толстого, начавшееся 31 августа 1807 г. и формально закончившееся 19 октября 1808 г., вряд ли можно было назвать успешным – как по причине обозначившихся разногласий между Францией и Россией, в особенности по восточному вопросу, так и в связи с плохо скрываемыми антифранцузскими настроениями русского посла¹.

В условиях участвовавших трений между Парижем и Петербургом, а также обострения отношений между Францией и Австрией² (что в конечном итоге приведет к войне между ними в 1809 г.) оба императора – Наполеон и Александр I – решились на новую встречу в Эрфурте. В этой ситуации фигура русского посла в Вене А.Б. Куракина вновь выходила на первый план. Находясь с конца июля 1807 г. в австрийской столице в качестве чрезвычайного и полномочного посла, Куракин неукоснительно следовал инструкции, данной ему императором Александром I 27 июня (ст.ст.) 1807 г.: «...Что касается того, как надлежит Вам вести себя по отношению к французскому послу в Вене, – писал царь, – то Вам, несомненно, нужно оказывать ему внимание и поступать так, как это обычно принято между представителями дружественных держав, и даже проявлять некоторую доверительность и непринужденность. Однако Вам необходимо при этом держаться в рамках, которые ставит еще далеко не окрепшее сближение, так как только последовательность, с какой французское правительство станет в дальнейшем выполнять свои обязательства, позволит мне определить, насколько искренни его намерения в отношении России»³.

Действительно, Куракин во время посольства в Вене продемонстрировал удивительный такт. Не закрывая глаза на стремление Наполеона уклониться от выполнения условий Тильзита и доклады-

---

¹ См., например: Посольство графа П.А. Толстого в Париже в 1807 и 1808 г. От Тильзита до Эрфурта // Сборник императорского русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. 89; Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 116–120; Vandal A. *Op. cit.* Т. 1. Ch. V–IX; и др.

² О внешней политике России в связи с проблемами во французо-австрийских и французо-прусских отношениях см.: Искюль С.Н. Внешняя политика России и германские государства (1801–1812). М., 2007. С. 166–209.

³ Цит. по: Дружинин П.А. Указ. соч. С. 55.

вая об этом в Петербург, он в официальных и неофициальных беседах с представителями австрийского кабинета не только неизменно подчеркивал прочность русско-французского союза, но и призывал их к благоразумию в отношениях с Францией¹.

Свидание в Эрфурте Александра I и Наполеона не раз становилось объектом внимания историков². Императивы, которыми руководствовался Александр I на эрфуртском конгрессе, со всей ясностью отразились в предшествовавшей встрече переписке русского императора со своей матерью, Марией Федоровной. Императрица довольно резко возражала против «свидания с Бонапартом», указав, что тот не выполняет подписанные в Тильзите соглашения, препятствуя реализации русских интересов в отношении Турции и Персии, в финансовой и торговой сферах³. В ответ на это послание Александр I последовательно и откровенно обосновал свою позицию. «Нужно, чтобы Франция могла думать, что ее политические интересы могут сочетаться с политическими интересами России, с того момента, как у нея не будет этого убеждения, она будет видеть в России лишь врага, пытаться уничтожить которого будет входить в ее интересы». Далее Александр I писал, что его цель – выиграть время для увеличения «наших средств, наших сил». И подчеркнул далее: «...мы должны работать над этим среди глубочайшей тишины, а не разглашая на площадях о наших вооружениях, наших приготовлениях и не гремя публично против того, к кому мы питаем недоверие»⁴.

Союзная конвенция, принятая в Эрфурте⁵, не устраняла все более углублявшихся противоречий между Россией и Францией. Можно согласиться с вел. кн. Николаем Михайловичем: Александр I был доволен результатами Эрфурта, где произошло мнимое закрепление союза с Францией. Наполеон же, со своей стороны, был ошеломлен

---

¹ См.: Дружинин П.А. Указ. соч. С. 55–56. Деятельность Куракина на посту посла в Вене, хорошо отразившаяся в переписке с Петербургом, а также в документах австрийского и французского министерств иностранных дел, еще ждет своих исследователей.

² См.: Vandal A. Op. cit. Т. 1. Ch. XII; Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 121–128; История внешней политики России. 1-я половина XIX в. М., 1999. С. 68–72; Kerautret M. Les grande traits de l'Empire (1804–1810). P., 2004; Idem. The Meeting at Erfurt // *Revue du souvenir napoléonien*. 2008. Avril – Mai – Juin. P. 31–38. Свидание в Эрфурте отражено в кн.: *Napoléon Bonaparte. Correspondance général*. P., 2011. Т. 8.

³ Мария Федоровна – Александру I. 25 августа (ст.ст.) 1808 г. // Русская старина (далее – РС). 1900. Кн. 4. С. 4–17.

⁴ Александр I – Марии Федоровне. Б.д. // Там же. С. 19–20.

⁵ См.: ВПР. Т. 4. М., 1965. С. 359–363.

поведением Александра; французский император приписывал это упрямству русского императора и «интригам разных лиц, с которыми государь вступил в разговор в эрфуртские дни, со своей врожденной любезностью; <...> зародыш недоверия вкрался уже в душу Наполеона, но он еще был далек от мысли, что всем его планам готовится быстрый конец. Настолько же далеки были от этой мысли ближайшие сотрудники Александра, как Румянцев и Коленкур...»¹

Каков был образ мыслей на этот счет самого А.Б. Куракина? Свое видение европейской ситуации он изложил в пространной депеше, отправленной 24 октября (ст.ст.) 1808 г. из Вены Александру I. Куракин, подобно В.П. Румянцеву, который с августа 1807 г. был управляющим, а с февраля 1808 г. – министром иностранных дел, надеялся на обретение Европой «всеобщего спокойствия», предпосылкой которого мог стать сепаратный мир, заключенный Александром I с Англией!² Но именно он, Куракин, должен был заменить на посту русского посла в Париже П.А. Толстого³. Рескрипт о назначении Куракина послом в Париже Александр I направил князю 4 (16) октября, то есть через два дня после окончания эрфуртской встречи. Куракин, по словам вел. кн. Николая Михайловича, «казался желанным представителем русских интересов и был одинаково приятен и для Наполеона, и для вдовствующей императрицы, лично сочувствовавшей этому выбору»⁴; «...когда император Александр, – продолжает вел. кн. Николай Михайлович далее, – счел полезным призвать князя А.Б. Куракина на пост русского посла в Париже, выбор этот нельзя считать случайным. Действительно, князь Александр Борисович обладал тем качеством, опытом и знаниями, которые должны были быть присущи русскому представителю при дворе Наполеона. Кроме того, постоянное доверие, оказываемое вдовствующей императрицею, могло служить гарантией для его действий в Париже»⁵.

---

¹ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. XXXIV–XXXV.

² Дружинин П.А. Указ. соч. С. 57–58. Напомним, что после Аустерлица Куракин представил Александру I записку о необходимости сближения с Францией, но при обязательном условии усиления всех российских сил для защиты пределов России.

³ П.А. Толстой вручил Наполеону отзывные грамоты во время аудиенции 1 (13) октября 1808 г.

⁴ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. XXII.

⁵ Там же. С. XXXIV.

§ 2. Надежды и разочарования (ноябрь 1808 – 1810 г.)

14 (26) ноября 1808 г. Куракин прибыл в Париж. Официальной резиденцией посла стал знаменитый особняк – Отель Телюссон (Hôtel Thellusson), построенный великим архитектором К.Н. Леду на тогдашней улице Серутти (Cérutti). Главные строения архитектор окружил пейзажным английским парком и воздвигнул нечто вроде триумфальной арки перед въездом в этот обширный комплекс¹. До приезда в Париж предшественника П.А. Толстого Отель Телюссон принадлежал И. Мюрату. Согласно Жозефу де Местру, особняк вместе со всей обстановкой Наполеон выкупил у герцога Бергского (Мюрата) за 1 млн франков специально для того, чтобы там разместилось русское посольство². Ко времени прибытия Куракина в Париж там уже находился министр иностранных дел граф Николай Петрович Румянцев, который должен был вместе с министром иностранных дел Франции Ж.Б.Н. Шампаньи «следить за мирными переговорами с Англией, начать которые предложили Англии Франция и Россия»³. Между тем Наполеон, спешно отъехав после эрфуртского свидания в Испанию, возвратился в Париж только 23 января 1809 г. На следующий день, 24 января, в Тюильри был дан большой дипломатический прием, на котором и состоялось представление Куракина в качестве нового русского посла. По этому случаю Наполеон демонстративно надел на свой обычный мундир гвардейских конных егерей ленту русского ордена Андрея Первозванного. Такая же лента была на Куракине. Однако, в отличие от скромного мундира Наполеона, русский князь ослеплял собравшихся алмаза-

---

¹ К сожалению, все эти строения и парк были уничтожены еще в XIX в. Сегодня об Отеле Телюссон напоминают только чудом сохранившиеся бронзовые двери, выполненные в стиле ампира и закрывающие вход в один из домов на улице Прованс.

² Цит. по: Vandal A. Op. cit. Т. 1. Р. 195. Позже, уже при Куракине, у русского посольства появилось еще одно здание – особняк Бирона (l'hôtel Biron), находившийся, в отличие от Отеля Телюссон, не на правом, а на левом берегу Сены, рядом с Дворцом инвалидов, на улице Варен (ныне здесь музей Родена). Это здание было более камерным, но также окруженным прекрасным парком. Дополнительным удобством этого особняка было то, что совсем недалеко от него, по улице Дю Бак, находилось здание Министерства иностранных дел Франции. Куракин больше любил пребывать в особняке на улице Варен, особенно весной и летом, когда парк благоухал запахами цветов и иных растений.

³ Vandal A. Op. cit. Т. 2. Р. 20.

ми, которые сверкали на его одеянии всюду — от пуговиц и пряжек до орденой звезды¹.

29 января, на балу у королевы Голландии Гортензии, в зале, соседней с той, где танцевали, Наполеон в течение трех часов беседовал с Румянцевым и Куракиным, пытаясь выяснить позицию России по основным проблемам, которые его тогда занимали, в особенности, можно ли и в каком качестве рассчитывать на Россию в случае войны с Австрией, столкновение с которой уже назревало². Ни Куракин, ни Румянцев не имели от Александра I определенных указаний на счет вопросов, которые ставил перед ними Наполеон, и предпочли отделаться любезными, ничего не значащими фразами.

14 февраля 1809 г. Румянцев вообще покинул Париж и вернулся в Петербург. Оставшийся во французской столице Куракин так и не получил определенных инструкций, за исключением неких общих «принципов, от которых не следовало отходить», врученных ему за день до отъезда из Парижа Румянцевым³. В сущности, Александр I и не торопился ставить перед Куракиным как послом определенных и ясных задач. Он более, чем его ближайшие соратники и помощники, был склонен скептически относиться к эффективности франко-русского союза, все более воспринимая его как возможность отсрочить открытое столкновение с Францией и выиграть время для решения неотложных внешнеполитических и внутренних задач. В этой ситуации Куракину оставалось лишь, во-первых, внимательно наблюдать за действиями французского руководства, ситуацией во Франции и в Европе, своевременно информируя об этом Петербург, а во-вторых, демонстративно поддерживать достоинство и высокий статус державы, которую он представлял, что, по его мнению, должно было выражаться, в том числе, и в виде блеска бриллиантов на ее посланнике. Последнее особенно отвечало его собственным склонностям как барина старой, екатерининской эпохи, возившего с собой обширный штат слуг, церковных певчих и секретарей, среди которых находились и его побочные дети⁴.

---

¹ Дружинин П.А. Указ. соч. С. 59–60.

² Vandal A. Op. cit. Т. 2. Р. 15.

³ Дружинин П.А. Указ. соч. С. 61.

⁴ О первых месяцах пребывания Куракина в Париже в качестве посла см. его переписку с Марией Федоровной (ОР РНБ. Ф. 650. № 1652–1653). Князь Куракин, известный сильной склонностью к любовным утехам, сразу по прибытии в Париж попытался найти себе среди актрис пассию. Однако мадемуазель Биготтини (Bigottini), на которую пал взор нашего князя, отказала ему. Фани Биа (Fannie Bias), танцовщица из Оперы, оказалась более доступной

Мало кто за этой плотной завесой из парчовой одежды и драгоценных камней, рассказов о самодурстве выжившего из ума старика, неделями не показывавшегося на людях из-за подагрической болезни, мог разглядеть проницательный и глубокий ум, подмечавший малейшие нюансы в политике той или иной европейской страны и в поведении лиц, его окружавших. Вел. кн. Николай Михайлович писал: «...мы можем видеть из его донесений, — что весьма часто суждения Александра Борисовича были вполне правильны и логичны, а мнение о предстоящей борьбе с Наполеоном было выражено замечательно верно и метко»¹.

Обманивался на его счет и Наполеон. В первые месяцы пребывания Куракина в Париже французский император попытался лестью расположить русского посла к себе, дабы далее использовать его в интересах своей политики. Однако Наполеон очень быстро, по словам А. Вандаля, решил, что «перед ним блестящее ничтожество, и он не может рассчитывать на это подобие посланника»². Между тем это «блестящее ничтожество» уже 23 февраля 1809 г. в письме к Александру I очень точно изложило намерения Наполеона на основе разговора с ним 21 февраля на балу у Полины, принцессы Боргезе. Во-первых, Куракин с удивительной проницательностью уловил, что «война (с Австрией. — В. З.), в уме Императора, уже решена», а также справедливо указал, что Наполеон «тщательно старается предотвратить всякую деятельную войну между нами и Портою, для того, чтобы тем более извлечь из нас пользы против Австрии и помешать, чтобы мы покончили наши дела с Турциею, по нашему желанию и без его участия...». Посол пришел к убеждению, что России следует, «не теряя времени приступить к военным действиям на Дунае и воспользоваться безначалием, слабостию, крамолами, разъедающими могущество Оттоманской империи»³.

В своих предположениях насчет намерений Наполеона Куракин еще более утвердился в ходе следующей беседы с ним, состоявшейся вечером 24 февраля 1809 г. на приеме в Тюильри⁴.

4 марта 1809 г. Куракин переправляет в Петербург секретную записку, составленную для Наполеона и по его приказанию, в которой,

---

(Lenz T. Nouvelle histoire du Premier Empire. P., 2007. Т. 3. Р. 519). Т. Ленц ссылается на бюллетень полиции за 16 мая 1809 г.

¹ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. XXXIX–XL.

² Vandal A. Op. cit. Т. 2. Р. 49.

³ Куракин — Александру I. Париж, 11 (23) февраля 1809 г. // РА. 1870. № 1. Ст. 1–9.

⁴ Куракин — Александру I. Париж, 12 (24) февраля 1809 г. // Там же. С. 9–12.

по словам князя, император «показывает себя здесь во всем своем блеске. Политические взгляды на разрушение государств, на закрепление династии, потому что он орудует только для нее, а не для Франции...» и далее: «Эта записка раскрывает всю политику Наполеона; опыт давно показал ее Европе, и, предлагая Вам, государь, этот важный документ, я думаю, что докажу Вам только наглядно более широкое развитие его проектов. С тех пор, как он царствует, проекты эти сложились у него в голове, и он их расширяет по мере того, как ему удастся их осуществить, они так безграничны, как безгранично до сих пор его счастье»¹.

Нельзя не заметить и известного пренебрежения к особе Куракина и со стороны Александра I. Русский император не считал нужным информировать его (впрочем, как и Румянцева) о своих планах и намерениях, нередко действуя через его голову, что, конечно, не могло не огорчать князя с его тщеславием. Но Куракин, в чем характере главное место занимало чувство преданности Престолу и Отечеству, не пытался изменить существующие «правила игры», что позволяло русскому императору последовательно и успешно добиваться реализации своих намерений, используя Куракина как прикрытие.

Усилия Куракина на протяжении конца зимы и начала весны 1809 г. были направлены на то, чтобы предотвратить войну между Францией и Австрией. В то же время для Наполеона вопрос о войне с австрийцами был уже фактически решен, и в его намерения входило также втянуть в эту войну Россию². В середине марта 1809 г. Куракин получил «милостивое приглашение» в замок Рамбуйе, дабы провести четыре дня в обществе французского монарха. Наполеон без устали осыпал русского посла «лестными знаками внимания (*les distinctions flatteuses*)», напоминал о своем «чувстве привязанности и уважения (*l’empreinte des sentimens d’affection et d’estime*)», которые он испытывает к Александру I; обласкал прибывшего в Рамбуйе в качестве курьера русского полковника И.С. Горголи. Столь демонстративные знаки внимания были направлены главным образом на выяснение позиции России накануне открытия военных действий против Австрии³.

---

¹ Цит. по: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. XLIX–L.

² См., например, доклады Шампаньи Наполеону в декабре 1809 г. по поводу франко-австрийских противоречий и позиции России (AN. AFIV 1696/2. Dossier 6).

³ Куракин – Александру I. Париж, 7 (19) марта 1809 г. // РА. 1870. № 1. Ст. 12–31. Пребывание Куракина в Рамбуйе, судя по всему, продолжалось с 16 по 19 марта 1809 г. Однако замечание в тексте («De retour

Напряжение в отношениях между Францией и Австрией неуклонно нарастало. 23 марта 1809 г. Куракин встретился с императором Наполеоном и министром иностранных дел Шампаньи. Из разговоров с ними князь вынес впечатление о неизбежности начала войны в самое ближайшее время. Причем Наполеон явно пытался увязать враждебные действия Австрии против него с действиями турок, тем самым убеждая русскую сторону в необходимости войны против Вены¹. Разговоры, лесть и давление со стороны французского правительства не вводили Куракина в заблуждение. Он хорошо осознавал опасные для России последствия поражения Австрии. Князь не упускал возможностей для поддержания отношений с австрийским послом в Париже графом К.В.Л. Меттернихом². Предотвратить франко-австрийскую войну не удалось.

В результате разгрома Австрии 14 октября 1809 г. был подписан Шёнбрунский мирный договор. Австрия была раздавлена. Россия в еще большей степени теряла свободу маневра перед лицом растущей экспансии Франции³. Более того, осторожная и, по мнению Парижа, непоследовательная позиция России накануне и во время франко-австрийской войны расценивалась Наполеоном как отход России от духа тильзитских договоренностей. Так, по требованию Наполеона Шампаньи пишет 2 июня 1809 г. французскому послу в Санкт-Петербурге А.О.Л. Коленкуру: «Господин посол, Император не хочет, чтобы я скрывал от Вас, что последние обстоятельства заставили его потерять доверие, которое я питал к соглашению с Россией, и что они служат ему указаниями, что нельзя доверять этому кабинету»⁴.

26 октября 1809 г. Наполеон, успешно проведя военную кампанию против Австрии и завершив ее мирным договором, возвратился в Фонтенбло. Накануне, узнав о скором возвращении Наполеона из Вены, Куракин приказал приготовить свои экипажи, платья и обло-

---

depuis avant-hier...») при сопоставлении с датировкой письма может ввести в заблуждение.

¹ Куракин – Александру I. Париж, 12 (24) марта 1809 г. // РА. 1870. № 1. Ст. 31–44.

² Там же. Ст. 44–50.

³ О внешней политике России в связи с проблемами французо-прусских и французо-австрийских отношений в 1807–1809 гг. см.: Искюль С.Н. Внешняя политика России и германские государства (1801–1812). С. 166–209.

⁴ Шампаньи – Коленкуру. Вена, 2 июня 1809 г. // AMAE. Vol. 148. F. 388; Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. LXIV.

жить крест ордена Почетного легиона алмазами¹. Князь прекрасно понимал, сколь ухудшилась для России ситуация после разгрома Наполеоном Австрии, а вместе с этим усложнилось положение и его самого. Он должен был предстать перед французским императором в полном блеске своего наряда, а украшенный алмазами орден был призван отразить высочайшую степень уважения к лицу, в свое время вручившему ему эту награду.

Однако Наполеон принял Куракина не сразу. Только после двукратного письменного обращения посла с просьбой об аудиенции, переданного императору через Шампаны, он наконец был приглашен в Фонтенбло. К этому времени в голове у Наполеона созрела идея заключить брак с одной из сестер Александра I – с целью утверждения своих позиций после разгрома Австрии.

К вечеру 10 ноября Куракин прибыл в Фонтенбло и был размещен в апартаментах рядом с покоями императора. После своего традиционного утреннего выхода Наполеон удержал Куракина и завел разговор о скором присоединении к России Молдавии и Валахии – вслед за Финляндией. Затем «перешел к разговору о старой Польше (*l'ancienne Pologne*)». «Она была для вас, – сказал он, – предметом беспокойства, и лишь для того, чтобы вас успокоить, присоединил я только новую Галицию, с Краковом, к герцогству Варшавскому... Я мог бы отнять у Австрии всю Галицию. Император Франц вовсе ею не дорожил; но я не хотел этого сделать из уважения к России...»

Понимая, сколь важные вопросы поднял французский император, и «при совершенном отсутствии инструкций» Куракин мог говорить «лишь языком сдержанным, исполненным осторожности». Далее, обращаясь в своем отчете к императору Александру, князь, уже в который раз, напомнил, насколько обязанности его как посла становятся для него «затруднительными по изолированному положению», в котором он находится, и «по страдательной и чисто созерцательной роли», которую вынужден играть при отсутствии каких-либо инструкций².

На следующий день, 12 ноября, Куракин еще более почувствовал на себе липкие путы наполеоновской лестии. «Во время обеда император обращался почти исключительно ко мне с разговорами о Вене и об ее окрестностях, и о моем пребывании в Виллье», – отмечал князь³.

---

¹ Vandal A. Op. cit. Т. 2. Р. 177. Note 2.

² Куракин – Александру I. Париж, 2 (14) ноября 1809 г. // РА. 1870. № 1. Ст. 69–75, 87–94.

³ Там же. Ст. 77, 95. Незадолго до возвращения в Париж Куракин пребывал на водах в городке Виллье-ле-Майё (*Villiers-Le-Mahieu*), находившемся примерно в 65 км к юго-западу от Парижа.

Среди прочих вопросов, которые обсуждались во время пребывания Куракина в Фонтенбло, была проблема предоставления России французского кредита¹, а также о поступлении на русскую службу четырех инженеров².

Во время пребывания в Фонтенбло Куракин, не отказываясь принимать с благодарностью, как и подобало представителю великой державы, знаки внимания со стороны Наполеона и его приближенных, 3 (15) ноября садится за составление обширного послания государю, в котором дает точную и убедительную картину перспектив развития ситуации в Европе: «...Вы должны будете иметь дело со скрытым недоброжелательством Франции. Эти рассуждения неопровержимы. Никогда честолюбие завоевателей не ставило себе границ, продиктованных умеренностью и хотя бы осторожностью, и ничто не дает основания думать, что настало наконец время покоя! Напротив, только что заключенный мир (речь идет о Шёнбрунском договоре. – В. З.), как видно из всего содержания договора, есть лишь новый шаг к осуществлению новых замыслов...»³

Среди целого ряда вопросов, которыми должен был заниматься Куракин во второй половине 1809 г., было дело графа Кассини. Напомним, что В.М.Дж. (Виктор Иванович) Капицукки граф ди Кассини ди Страда (1754–1811), выходец из известной пьемонтской семьи, находясь на русской службе, выполнял целый ряд секретных поручений. С 1802 г. он был поверенным в делах России при Папском престоле. В сентябре 1809 г. его арестовали в Падуе и бросили в тюрьму для государственных преступников в Фенестреле. Его жена, попытавшаяся ходатайствовать о его освобождении, была также арестована в декабре 1809 г. В октябре 1809 г. Куракин потребовал объяснений по поводу ареста графа Кассини. Наполеон отдал приказ Шампаньи отклонить претензии русской стороны под тем предлогом, что Кассини по рождению «француз» и император не потерпит вмешательства во внутренние дела Франции со стороны иностранной державы. Судя по документам, Петербург, не желая обострять отношения с Францией, к началу 1810 г. прекратил поднимать во-

---

¹ В конечном итоге кредит не был предоставлен, а к концу 1810 г. проект и вовсе аннулировали.

² Речь шла о П.Д. Базене, А. Фабре, Ж.А.М. Дестреме и Ш.М. Потье (см.: Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные П.И. Щукиным. М., 1908. Ч. 10. С. 462–464; Гузович Д., Гузович И. Петр Петрович Базен. СПб., 1995; Сироткин В.Г. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 200–206; и др.).

³ Цит. по: Дружинин П.А. Указ. соч. С. 62. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. CIV–CV.

прос об освобождении Кассини. В 1811 г. тот скончался в крепости Фенестрель¹.

Начало 1810 г. ознаменовалось энергичными попытками Наполеона устроить свой новый брак, предпочтительнее с одной из русских великих княжон². Параллельно шло обсуждение французско-русской конвенции по польскому вопросу. Руководствуясь указаниями из Парижа, Коленкур 23 декабря 1809 г. (4 января 1810 г.) подписал подобную конвенцию, текст которой вполне устраивал Петербург³. Через 12 дней Александр I ее ратифицировал. Однако Наполеон, со своей стороны, связал возможность ратификации конвенции с согласием Петербурга на брак с одной из великих княжон. Куракин, в то время вновь жестоко страдавший от подагры, стал прилагать все усилия, чтобы все же добиться ратификации конвенции о Польше⁴.

В начале февраля 1810 г. Наполеон стал осознавать, что Петербург не склонен пойти навстречу его матримониальным планам, и изменил свою позицию в отношении польского вопроса. И хотя проблема конвенции о Польше останется предметом обсуждения Куракина с Шампаньи вплоть до конца июня⁵, отказ от ратификации этого до-

---

¹ См.: Там же. Т. 4. СПб., 1906. С. 180–181, 183–184, 214–215, 225, 255, 272–273; Napoléon Bonaparte. Op. cit. P., 2013. Т. 9. № 21847; 21850; 22425; 22711; 22531; Земцов В.Н. Алмаз и мщение: Дюма-отец, Наполеон и Июльская монархия // Запад, Восток и Россия: Историк и Власть. Вопросы всеобщей истории. Вып. 12. Екатеринбург, 2010. С. 109, 116, Примеч. 14.

² Наиболее убедительно этот сюжет представил А. Вандаль (Vandal A. Op. cit. Т. 2. С. 233–280).

³ См.: Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций. СПб., 1905. Т. 14. С. 430–433. Париж получил сообщение о ратификации конвенции русской стороной 26–27 января (Шампаньи – Наполеону. Париж, 26 января 1810 г. // AN. AF1699. Dossier 1; Шампаньи – Наполеону. Париж, 27 января 1810 г. // Ibidem; Шампаньи – Наполеону. Париж, 30 января 1810 г. // Ibidem).

⁴ См. депеши Куракина Румянцеву за январь 1810 г. (ОР РНБ. Ф. 650. № 1597).

⁵ См. депеши Куракина Румянцеву за апрель – июнь 1810 г. (ОР РНБ. № 1602–1606; Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 4. С. 405–410). Многочисленные бумаги Шампаньи в связи с конвенцией по Польше, отразившие стремление французской стороны всячески затянуть решение вопроса, отложились в Национальном архиве Франции (AN. AF IV. 1699). Среди отечественных авторов наиболее подробно на этом вопросе остановился С.Н. Искюль (Искюль С.Н. Война и мир в России. С. 44–58). В ходе этих обсуждений французская сторона впервые решительно поставила вопрос о наличии у Куракина полномочий по обсуждению той или иной проблемы (Куракин – Румянцеву. Париж, 18 (30) апреля 1810 г. № 1602. Л. 8–17; Кура-

кумента был предрешен еще в феврале. В письме Румянцеву от 5 (17) июня 1810 г. Куракин прямо написал, что французы, предлагая конвенцию о Польше, «хотели лишь обмануть нас, и в сущности думают отложить ее в сторону». И далее: «...счастье в войне (Франции в войне 1809 г. – В. З.), ослабление Австрии и то, как заключен с нею новый союз, вследствие чрезвычайных ее утрат, суть обстоятельства, которые в настоящее время значительно умилили здесь цену нашего союза (заключенного в Тильзите. – В. З.). Теперь не Рейн, а Висла составляет границу Франции. И так к этому предлогу должны быть с нашей стороны направлены все меры предосторожности и обороны. Но как ни велики наши силы, они уже не равняются более с силами Франции с тех пор, как могущество ее, действительное или относительное, умножилось вследствие трех последних мирных трактатов, Пресбургского, Тильзитского и Венского. Одним словом, будем ее друзьями, но так, чтобы она не обманывала нас; ни в чем от нее не отстанем и во взаимных сношениях наших не уступим ей в хладнокровии». И далее: «В настоящее время нам всего нужнее войти в соглашение с Персией и в особенности кончить как можно скорее нашу войну с Турцией, дабы употребить большую часть войск, находящихся на Кавказе и на берегах Дуная, для обеспечения огромной незащищенной границы, которая простирается от Днестра до Немана»¹.

Посетовал Куракин и на то, сколь унижительным стало его собственное положение: «...могу вам сказать и вас заверить, что не помню, когда бы в совещаниях о делах мне приходилось испытывать более унижения и раздражения. Говорят, что надо сохранить хорошую мину при плохой игре (*faire bonne mine à mauvais jeu*). Я убежден, что в данном случае мы не должны уклоняться от сего правила, и я его держался в точности...»²

Решение Наполеона перейти от намерения заключить брак с одной из русских великих княжон к браку с австрийской эрцгерцогиней, причем решение, принятое по-военному молниеносно, сильно взволновало и раздосадовало Петербург. Поэтому тем более демонстративно Александр I пытался быть предупредительным в сложившейся ситуации, рассчитывая и на то, что русский посол А.Б. Куракин сумеет «сохранять хорошую мину при плохой игре». Для поздравле-

---

кин – Румянцеву. Париж, 28 мая (9 июня) 1810 г. № 1604. Л. 6–14). В дальнейшем это станет излюбленным со стороны Парижа приемом для затягивания решения того или иного вопроса.

¹ Куракин – Румянцеву. Клиши, 5 (17) июня 1810 г. // РА. 1873. № 1. Ст. 393–395; 401–403.

² Там же. Ст. 395, 402–403.

ния Наполеона по случаю брака в Париж был спешно отправлен родной брат Александра Борисовича Алексей Борисович Куракин, занимавший в то время пост министра внутренних дел. «Князь Александр Борисович, – писал вел. кн. Николай Михайлович, – был в стороне от выбора государя и, как ребенок, радовался приезду брата, о чем писал ряд благодарственных писем Императрице Марии Федоровне»¹.

2 апреля 1810 г. в Лувре состоялась торжественная церемония заключения церковного брака Наполеона с Марией-Луизой. Александр Борисович Куракин, сверкая бриллиантами, без усталости демонстрировал радость по случаю происходящего².

1 июля, в продолжение торжеств в связи с бракосочетанием августейших особ, австрийский посол в Париже князь Шварценберг должен был устроить роскошный бал. Так как Отель Монтессон (*l'hôtel de Montesson*), в котором располагалось австрийское посольство, был недостаточно обширен, был снят еще один особняк, расположенный рядом; между ним и особняком Монтессон, в саду, была устроена деревянная галерея, соединившая оба здания. Здесь-то по несчастному стечению обстоятельств в ночь на 2 июля и начался пожар, жертвами которого стали более 80 человек, из них не менее 20 погибли. Среди серьезно пострадавших оказался и Александр Борисович Куракин. Он мог бы погибнуть, если бы, во-первых, его, потерявшего сознание, не вытащили доктор Кореф (*Koreff*) и австрийские и фран-

---

¹ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. СХХII. Алексей Борисович Куракин прибыл в Петербург 1 мая 1810 г. и пробыл там 4 месяца. Судя по всему, Алексей Борисович Куракин не сыграл, сколь бы то ни было, заметной роли в период своего пребывания в Париже. Однако в июле 1810 г., в те дни, когда его брат с трудом отходил от полученных им ожогов в пожаре 1 июля, имел длительную беседу с Наполеоном во время императорского выхода в Сен-Клу (См.: Vandal A. *Op. cit.* Т. 2. Р. 416–423). С ним Наполеон передал письмо для Александра I (Наполеон – Александру I. Сен-Клу, 29 августа 1810 г. // *Napoléon Bonaparte. Op. cit.* Т. 10. № 24441. Р. 581). 29 августа состоялась последняя аудиенция у Наполеона, и Алексей Борисович отбыл на родину (О беседе в ходе аудиенции см.: Vandal A. *Op. cit.* Т. 2. Р. 423–424).

² Накануне этого события, 1 апреля, Куракин написал письмо Шампаньи, в котором сообщил о боли в ногах и что он, по-видимому, не сможет на следующий день быть на церемонии с участием императора (Куракин – Шампаньи. Б.м., 1 апреля 1810 г. // *AN. AFIV 1699. Dossier 1*). Однако преодолев боль, Александр Борисович все же отправился на следующий день в Тюильри. Он едва держался на ногах. К концу дня его приходилось поддерживать с обеих сторон. Вандаль, ссылаясь на бюллетень полиции, пишет, что помогавшими князю оставаться на ногах были Шварценберг и Меттерних (Vandal A. *Op. cit.* Т. 2. Р. 319).